

Глядя на замерших перед ним двоих, У Хуань вдруг скривил губы в зловещей, едва заметной улыбке.

Вух!

По взмаху его руки вспыхнувший холодный блеск полоснул по залу из-за его спины.

Три закаленных стальных пера со свистом вылетели из темноты и, миновав с разных сторон растрепавшиеся распущенные волосы У Хуань, вонзились: одно — в истекающего кровью Вэй Ли, а остальные два... в двух других людей, чьи души были охвачены ужасом.

Зрачки Вэй Ли расширились, а первая стрела уже яростно вонзилась в его живот, пробив устрашающее кровавое отверстие.

Он глухо застонал и рухнул на землю. Обессиленное тело, подхваченное инерцией стрелы, покатилося вниз по ступеням дворца, оставляя за собой на скользком полу длинный кровавый след.

Вух! Вух!

Две другие стрелы свирепо пробили межбровья своих целей.

Оба военачальника были мгновенно лишены жизни. Их сидящие неподвижно торсы лишились всякой поддержки и безвольно завалились вперед, а тела повисли в расслабленных позах.

— Какое великолепное представление.

У Хуань тихо захлопал в ладоши, и из темноты за его спиной медленно вышли еще шесть фигур.

Эти шестеро были облачены в золотые доспехи, с луками и стрелами в руках — в точности как дворцовая стража Ванчэна.

На самом деле они прятались в зале с самого начала этой бойни, выжидая удобного момента, но без приказа У Хуаня не смели сделать ни движения.

А приказ, отданный им У Хуанем, заключался в том, чтобы зачистить поле боя, «живьем захватить» маркиза Вэй, а также... уничтожить всех живых участников этой охоты, кроме Чу Хэна!

Треск ломающихся костей, катящиеся головы, отчаянные вопли — все звуки этой резни они от

начала до конца слышали своими ушами и переживали в сердце.

Хотя они и готовились к этому заранее, но когда воочию увидели, как весь внутренний двор превратился в залитый кровью ад, а густой, отупляющий смрад вперемешку с аурой погибших душ ударил им в лица, даже они не смогли совладать с трепетом и дрожью в груди.

В их сердцах осталось лишь одно — жгучее облегчение.

Облечение от того, что расправляться с маркизом Вэй поручили не им.

— Продолжайте! — холодно бросил У Хуань.

Шестеро одновременно натянули тетиву. На этот раз в воздух сорвалось ровно шесть стрел.

Шесть призрачных стрел — ровно по числу фонтанирующих брызг крови, внезапно взметнувшихся над телом Вэй Ли.

Пх!

Одна стрела пронзила правую руку, вторая пригвоздила кость ноги, две другие прошли насквозь через оба запястья, а последние две... вонзились прямо в лодыжки.

Все шесть пробивных ранений точно миновали жизненно важные органы вроде груди и головы, но покрыли все конечности и суставы, намертво пригвоздив этого великого генерала к земле, словно кусок доски.

Звук раскалывающихся костей отчетливо эхом разнесся по залу. Тяжелые увечья поверх прежних ран заставили зрачки Вэй Ли окончательно поблекнуть и потерять фокус.

Потоки бурной крови хлынули из его рта. Но с его губ не сорвалось ни звука; пронзенные и прибитые к земле руки судорожно шевелились, словно он все еще пытался подняться.

Однако эта насильственная попытка сопротивления неминуемо вновь потревожила и ухудшила все его раны — сколь ни было бы мощным его тело, оно не могло выдержать стольких тяжелейших увечий. Безуспешно попытавшись подняться несколько раз, он наконец рухнул с грохотом срубленного бурильщиком гигантского дерева и больше уже не смог пошевелиться.

Шестеро стражников одновременно выдохнули, испытывая самую пеструю смесь чувств.

— Приведите его сюда... Погодите, Чу Хэн, ступай ты первым. — У Хуань только отдал приказ, как тут же передумал.

Он не удостоил Чу Хэна ни единым похвальным словом за то, что тот пожертвовал собой ради спасения товарища, его лицо было невероятно холодным.

— Брат Вэй! — услышав этот приказ, Чу Хэн почувствовал себя так, будто ему даровали амнистию. Не в силах сдержать нарастающую тревогу, он в паре шагов сбежал по ступеням и бросился к Вэй Ли. Забыв о боли в запястьях, он попытался поддержать его, но его взгляд вдруг замер, на мгновение затрепетав.

Маркиз Вэй, некогда гордость Да-Ву и объект всеобщего трепета, сейчас выглядел до ужаса жалко. Хотя смертельных ран ему не нанесли, живого места на его теле не осталось — было просто невозможно найти хотя бы один целый участок кожи.

Случись такое с обычным человеком, он бы уже давно потерял сознание, но он... явно оставался в сознании и сохранял ясную волю.

Джаость охватила Чу Хэна, когда он попытался дрожащими руками нащупать раны, оставленные его собственной рукой, но... это оказалось сродни поиску иголки в стоге сена.

Пронзительное горе сдавило грудь, заставив этого крепкого мужика заплакать. Крепко сжав пальцы Вэй Ли, покрытые запекшейся кровью, он в полном отчаянии зарыдал:

— Брат Вэй... зачем же... к чему было себя так терзать...

Вэй Ли с трудом приподнял обвисшую голову, и даже это простейшее движение давалось ему с невероятным трудом.

Кровавая пелена и темнота застилала ему глаза, пронзительная боль парализовала чувства, балансируя на грани обморока и не позволяя разглядеть лицо того, кто склонился над ним. И все же он уловил приближение еще одного стремительного присутствия.

Это был У Хуань. Он ступал по ручьям крови, слившимся из тел, пересекая расплескавшееся багровое озеро и спускаясь по ступеням, точно посланник из девяти кругов преисподней.

Взгляд его оставался пустым и неподвижным, словно он презирал любую смерть, включая собственную.

Спускаясь, он вдруг взмахнул ногой и с крайним отвращением отпихнул в сторону тела двух воинов, убитых стальными стрелами:

— Два бесполезных и трусливых ничтожества. Лучше бы вам сдохнуть.

— Вы тоже ступайте туда же, — У Хуань искоса бросил взгляд на стоявших позади шестерых

стражников, все еще не оправившихся от пережитого ужаса.

— ...Слушаемся! — у стражников задергались брови, и каждый отвечал с еще большим трудом, чем предыдущий.

Ощувив их приближение, Чу Хэн, до этого стоявший со склоненной головой и беззвучно рыдавший, резко вздрогнул. Ему пришлось с болью подняться и отступить в сторону, освобождая им место.

Вэй Ли по-прежнему тяжело и часто дышал.

Чу Хэн и еще один стражник подхватили его под мощные руки, осторожно приподняв. Остальные же бросились вперед и крепко-накрепко скрутили тяжелораненого Вэй Ли веревками, бросив его прямо перед У Хуанем.

Хлюп!

Обе колени Вэй Ли, которые никогда и ни перед кем не сгибались, теперь помимо его воли тяжело рухнули на землю с глухим стуком, похожим на обрушение горы.

Кровавая вода пропитала колени, окрасив их в жуткий алый цвет.

Его тигриную голову грубо прижали к земле, заставляя уткнуться лицом в грязь. Так он и рухнул на колени перед У Хуанем — в самой унижительной из всех возможных поз.

Перед человеком, ради избежания встречи с которым он предпочел бы покончить с собой, лишь бы не преклонять колени.

У Хуань наклонился, глядя на великого генерала, стоящего на коленях со связанными за спиной руками и израненного до полусмерти, и тихо произнес:

— Знаешь, а ведь я на самом деле восхищаюсь тобой.

Пальцы Вэй Ли едва заметно шевельнулись.

— Поэтому, — мягко улыбнувшись, У Хуань протянул ему руку, — на самом деле мы...

— Тьфу!

Единогласным ответом ему стал плевок кровавой пеной, вылетевший из меж зубов сурового воина.

Собрав остатки воли, он яростно прорычал, каждое его слово разило вонзающимся в плоть ядовитым шипом:

— Ты... узурпировал трон, вознамерившись погубить подданных ради абсолютной власти над миром! И как бы красиво ты ни рядился... какими бы праведными речами ни прикрывался... даже если... даже если ты замучаешь меня до смерти... твоим жалкам амбициям... никогда... никогда не суждено... сбыться!

— Погибнуть от гнева Небесного Пути... вот твой... заслуженный конец!

Рука У Хуаня замерла в воздухе. Впрочем, он не стал брезгливо стряхивать кровь. Напротив, после легкой судороги его лагерь медленно сжался в кулак.

На его лице по-прежнему не было ни единой эмоции. Быть может, пережив «уроки» прошлых лет, он давным-давно наглухо запечатал свои истинные чувства, и теперь никто на свете не смог бы разгадать их и на йоту.

Для всего мира У Хуань навеки останется лишь тем самым амбициозным юным еретиком, чьи помыслы были у всех на устах.

— Ожидаемый ответ.

Спокойно произнес У Хуань. Его тон не предвещал бури — в нем не было ни разочарования, ни насмешки.

И никто не ведал, какая именно буря бушует глубоко внутри под этой маской невозмутимости.

Да он и не позволил бы никому об этом узнать.

— Это изначально принадлежало мне. О какой узурпировании вообще речь? — тихо усмехнулся У Хуань. — А говорить сейчас о так называемом конце... пожалуй, еще слишком рано.

— Вэй Ли, ну до чего же ты упрям, — отвернувшись, с легким вздохом произнес У Хуань. — Твое упрямство заставляет меня глубоко трогаться.

— Но ничего страшного. Раз уж ты сделал свой выбор, я... могу лишь уважать его.

— Я знаю, что ты ненавидишь меня, — мягко проговорил он, легко и неторопливо взбалтывая души всех присутствующих. — Но ты ведь должен понимать: раз уж выбор сделан, нужно нести и положенную за него плату, и уготованный финал.

— Вэй Ли, ты действительно отчетливо осознаешь это? У тебя и правда есть такая решимость?
— У Хуань присел на корзички, глядя прямо в его покрытое запекшейся кровью и ужасными ранами лицо. — Твой конец на сегодня уже предопределен, но это... последний шанс, который дает тебе маркиз.

— Другой... иллюзорный финал. — На этих словах в его глазах вспыхнул пугающий блеск, а рука все так же сжалась в когти, словно он собирался вцепиться в собственную грудь. — Тот самый финал, который мы, Да-Ву, напишем собственной рукой!

Словно пытаюсь предпринять последнюю попытку удержать его.

Ледяные орлиные глаза и багровые тигриные взор встретились и долго, не отрываясь, смотрели друг на друга, сталкиваясь в молчаливом противостоянии посреди застывшего воздуха.

Однако из тигриных глаз струился лишь глубочайший, тяжелейший свет презрения. А сквозь разомкнутые зубы вновь прорвался обрывистый шепот, заставивший У Хуаня испытать жуткое разочарование.

— Смерть... чего ее бояться?

— Ты вечно... будешь носить на себе грех растоптанных мириадов душ, а твое имя... навсегда останется синонимом позора в веках!

— Хорошо.

Похоронив последние крохи надежды в своем сердце, У Хуань молниеносно поднялся на ноги, и короткое разочарование, только что промелькнувшее в его глазах, мгновенно сменилось жутким, пронзительным свечением.

Пройдя несколько шагов, он остановился перед теми самыми разорванными телами.

Под ошеломленными и недоверчивыми взглядами всех присутствующих он распрямил ладонь, опустил ее прямо в лужу крови на земле и слегка зачерпнул ею жидкость.

Словно пытаюсь смыть со своей руки грязь.

Разумеется, от этого она становилась лишь еще грязнее.

<http://bllate.org/book/21202/2146174>